

The background is a dark, almost black, space filled with a complex network of glowing orange and yellow lines. These lines radiate from a central, bright, fiery-looking point, creating a starburst or explosion effect. The lines vary in thickness and intensity, with some appearing as sharp, thin streaks and others as thicker, more diffuse bands. The overall impression is one of dynamic energy and depth, reminiscent of a star's core or a nebula's structure.

Вячеслав Лебединский

Ночной мир

Вячеслав Лебединский

Ночной мир

<https://litres.ru/74127858>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Тебе снится другая жизнь?» – однажды спросила Бабка у Мальчика.

В руинах мира выживания, который изувечила эпидемия Вендетта, в Богом забытом городе, куда они добрались, чтобы немного облегчить своё существование, жестокий рок сделает так, что Мальчик предстанет перед другой жизнью.

Вячеслав Лебединский

Ночной мир

Одно дело, когда гордыня, этот страшный грех, есть в человеке и поедает его. Но другое, если она, ничем не подкреплённая, ни на чём не основывающаяся, на пустом месте превращается в высокомерную одержимость,

далее – в манию величия, – а затем и в безумие.

Л.В.И.

Небеса всё видели и всё помнили. И они никогда не забывают.

Маслянистые тёмно-жёлтые облака с редкими разводами-брешами цвета сизой дымки постепенно закрывали веки сонного солнца, которое напоследок окрасило дали в тускло-золотую погребальную тень. И кто бы в этот пронизывающий вечер не глянул на небо, то непременно зябко и смиренно зевнул бы.

Посреди пепелища поваленных деревьев две серые фигуры так и поступили, правда, им некогда было любоваться красотами. Зевнули они именно от усталости нескончаемого пути к мечте – к дому, где было былюдно, тепло и безопасно. В своих истоптанных ботинках с дырами в подошвах они особенно ощущали осеннюю прохладу, а давняя простая мечта словно бы с каждым шагом отдалялась от них и каза-

лась несбыточной. Но они никуда не спешили, потому что-
никого у них не осталось, они просто берегли силы на случай
нападения на них.

– Сюды тожа били. – прошамкала горбатая Бабка. – И чёй-
та им лесок не угодил – не понять мне никак.

– А чем били? – звонко спросил Мальчик в шапке с дряб-
лым помпоном.

– Да чёрт его знает. Дедок говаривал, они не брезговали
ничем.

Бабка да Мальчик, который не был ей родным, долго ски-
тались по агонизирующему миру. Так долго, что их одежда
как бы переняла серость окружения навроде камуфляжа, и их
некогда приветливые лица и глаза с искрой веры померкли
от витавшего повсюду холода отчуждения кромешной окру-
ги длинных и тревожных теней, которой, казалось, не было
ни конца, ни края.

Нобрели они не с пустыми руками. Какая-никакая добыча
в рюкзаках у них позвякивала, и если повезёт, они никогда
не прочь обменять её хоть на что-нибудь. В первую очередь,
конечно, самое насущное – нечто съестное; во вторую – на
что-нибудь согревающее – плед или свитер сгодятся; и в тре-
тьих, что было совсем роскошью – на некое средство гигие-
ны, чтобы немного привести себя в порядок и на время рас-
статься с въевшейся в кожу грязью.

– А зачем?

– Что – зачем?

– Били зачем?

– А-а-а... Тута одно из двух. Или ихним жёнкам всё мало, или они денежки меж собой не поделили.

Не то чтобы они могли похвастаться добытым с утихшего поля боя или у обрुшившихся зданий, да и рассчитывать на что-то конкретное они тоже не могли, потому что человек человеку рознь. Но Бабка и Мальчик питали надежду, что следующий торговец окажется более располагающим, а значит и менее загребушим.

Мальчик жаждал заполучить некую игрушку, которая хоть отдалённо напомнит ему лучшее минувшее, что с годами только светлеет в нём вопреки окружающей реальности. Бабки же надумала любой ценой разжиться какими-то хитрым и не габаритным приспособлением, чтобы день легче снести, или чем-то, что заставит недруга обойти их стороной.

– Я вообще тебя не понял, – признался Мальчик.

– Агась, я тожа сначала не поняла Деда, но и ты потом поймёшь.

Они всё шли да шли.

Редко по пути им попадался нейтральный человек, а уж положительный типаж людей они давно не встречали, и казалось даже, что они вовсе перевелись. Но против агрессоров у Бабки имелся не мало не много настоящий наган, которым она умеючи при неприятном случае пользовалась. Просто ли вспугнуть видом оружия, пальнуть ли в воздух от бешеных собак, чтобы те дали дёру, да даже в ногу ранить или свалить

наповал невезучего ночного вора – для «Бабки с пистолетом», которую так и прозвали, это была не проблема, а скорее выход – благо патронов в её карманах пальто было в достатке. Но понемногу патроны кончались, они всё также не могли отыскать надёжное пристанище, и временами её пугала мысль, что на недругов всех патронов мира не хватит.

Хрупкий мир добила «эпидемия Вендетты», от которой в разумах инфицированных зародилась острая жажда мести, будь то реальная или надуманная. И тогда настала «эпоха Забытьё». Не бывает человека, который хоть раз не подумал, как даже за мелочь поставить обидчика на место. Вот только «Вендетта» возводит подобные мысли в абсолют, делая из больного бездумную машину для уничтожения всего и вся. Бабка же да Мальчик были из тех редких представителей выживших, которые эту респираторную инфекцию и последующую самую страшную бойню переждали в укромных местах. А потом судьба объединила их.

На пути их насторожила стена пёстрых пылинок, словно зависшие в воздухе блёстки, едва прогоняемые ветром. Показались вереницы разбомбленных фабрик, а за ними всё ближе виднелся некий город – точнее то, что от него осталось. Фабрики загадили округу плодами прогресса в виде кислотно-розовых луж химикатов, вытекших из шаровых резервуаров – теперь, правда, больше напоминающих повреждённые коконы. Добавили «жару» и радиоактивные отходы из помятых цистерн рядом с железнодорожным путём, кото-

рые не успели увезти куда подальше и утилизировать как по-добает.

Бабка всё сообразила, мигом обмотала Мальчику лицо шарфом, сама прикрылась платком, и они пошли шустрее по убитой дороге. Через погнутые как проволока столбы с фонарями они перелезли, прошли мимоприземистых зданий, которые словно пластилин на пекле поплавились и затвердели в более округлые возвышенности с закупоренными входами и окнами – из подобных саркофагов стенающими душами погибших никак не сбежать и нет надежды найти покой.

В городе мелькали редкие неприметные люди, но они по-нуру куда-то спешили, друг с другом не контактировали; но иные с гостей не спускали глаз как с вероятных воришек. Удивило же гостей то, что где-то за домами они услышалиребяшливые задорные выкрики – это сразу шевельнуло Маль-чика и он мгновеннооживился.

– Не зыркайздешних отщепенцев особо, –прошептала Бабка. – Могут не так понять.

– Почему?

–Ты же глуховат только, а не слепой. Зачем я тебе раз-добыла слуховой аппарат? Послушай, как сопят недоволь-но, и посмотри аккуратно – вон те мутные мужики о какпу-чат глазищи голодные, видно же, нам тут не рады. Сейчас не тот случай,чтобрисковать. Толпой завалят влѣгкую, да пожи-ваться только так.

– Ладно.

– Прибарахлимся, и забудем дорогу к этому селу с замашкой нагород.

Уневзрачного двухэтажного домика лихой ветер гонял туда-сюда огрызок двери, над которой вывеска в виде квадратного обрезка картона с намалёванными угольком желанными предметами вроде пожрать да забыться указывали на онны доступные удовольствия.

Бабка усадила Мальчика на скамейке впритык к дому, сама вошла в тёмный проём и, поронив: «Мир дому сему», застала неприятную сцену.

Высокая девица, одетая дико чистенько и вся такая ухоженная, качала права у возрастной торговки.

– Старая вешалка, ты прекрасно знала, что сегодня день платёжки. От этого не увернёшься.

– Я же сказала, мне почти нечего продавать и спрос упал. Ну как я должна наскрести на ТАКУЮ сумму?

– А это уже твои проблемы, и не должна за тебя ломать голову.

Бабка покачала головой, не оценив такой наезд на свою сверстницу, и подключилась:

– А ну, на выход, расфуфыренная хамка!

– Слышь, древнее чучело, я тебя не знаю, но ты явно попутала и неврубаешься, с кем имеешь дело.

– Уморила! – воскликнула Бабка и вооружилась шваброй у стены.

Девица вся напряглась, но так просто упустить контроль

было не в её характере; она достала из-за пазухи нож-бабочку, мигом его обнажила, и стала ловко с угрозами-выпадами пробовать Бабку на зубок.

Бабка улучила момент и с размаху огрела концом швабры по наглой рожедевицы так, что её пару раз развернуло и она завалилась на дрова в углу лавки. Спустя пару мгновений девица заскулила как испуганный щенок, немного тронув за живое двух возрастных.

Бабка и сама и не поняла, как перегнула, но ей было точно известно: эта дерзкая выходка могла кончиться не в её пользу.

Девица кое-как поднялась, попыталась что-то промямлить, но это было сложно сделать, когда челюсть едва держится на тёмных соплях.

Девица люто взвыла, прошила Бабку ненавистным взглядом, и выбежала прочь.

Торговка стала сама не своя – побледнела как мёртвая и будто перестала дышать.

Бабка выдохнула, разжала судорожную кисть – об пол ударилась швабра с обломанным концом, в который въелась кровь.

– Ладушки, подружка, теперь ты мне всяко должна, давай делать дело. Я рассчитываю на скидку.

– Никакая я тебе не подружка, и ты не понимаешь, какую кашу заварила.

– Ну так расстолкуй.

– Эта девушка частичка дешней пирамиды власти. Она точно доложит верхам о случившемся, и тогда... Нет, я тебе отчасти благодарна, ты заступилась за меня, слабохарактерную... но по незнанию ты заживо похоронила всех нас.

– Ой да будет тебе жути нагонять! Уж мы то с тобой птицы последнего полёта и знаем, что конец с каждым днём всё ближе... Погодика-ка. А что значит: всех?

– Будет милостью, если расправятся только с нами двумя. Но ты вон как разукрасила её, такое они не скоро забудут. В их природе поставить крест на всех тех, кто нам дорог и близок в назидание остальным.

– Этому не сбыться, я не позволю!

– Но так и будет. Человек с библейских времён остался неизменен в своей противоречивости. А уж для этих выхваленных безбожников раз плюнуть переступить через человека и добиться своего любой ценой, удержав равновесие на троне или просто поддержать выдуманный статус и иллюзию уважения.

Какое-то время они молча глядели друг на друга.

– Ну что вся ты темнее тучи? Может, пронесёт, а? – спросила Бабка.

Торговка наконец с болезненным стоном выдохнула, и дрожащим голосом сказала:

– Ну что там у тебя, показывай.

Бабка ожила, сняла с себя рюкзак и принялась снеспешным довольством выкладывать на замызганный прила-

вок своё добро.

Спустя ожесточённые споры на предмет того, что нынче особенно ценно и в ходу, Бабка всё же была немного в выигрыше. Уходя, она сказала на прощание:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.